

Anne Applebaum**Red Famine**
Stalin's War on Ukraine

New York: Doubleday, 2017

“Красный голод” — книга о голоде в Украине 1932–1933 годов. Еще не добравшись до читателей, книга удостоилась многочисленных откликов, в основном положительных, на страницах крупных и не очень медиаресурсов, а также в социальных сетях. В настоящее время продолжается кампания по продвижению книги. Как правило, дискуссии о труде Энн Эпплбаум разворачиваются в политической плоскости, а попытки академической оценки немедленно переводятся на язык политических заявлений.

Эпплбаум — известный журналист и колумнист (См. рецензию Н. Ломагина на книгу Эпплбаум “Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956)” в *Контрапункте* №1, 2015 ([URL: http://www.counter-point.org/zhelezny-zanaves/](http://www.counter-point.org/zhelezny-zanaves/) (доступ 06.12.2017) — Прим. ред.), лауреат Пулитцеровской премии, той самой, которую когда-то получил Уолтер Дюранти — журналист, писавший о Советском Союзе в 1930-е годы и поспособствовавший замалчиванию голода 1932–1933 годов.

Книга “Красный голод” — это 360 страниц

текста и 72 страницы сносок и библиографии. В рецензированном экземпляре, к сожалению, нет предметного указателя, иллюстраций и карт, что несколько затрудняет восприятие книги. Собственно текст состоит из вступления, названного “Украинский вопрос”, пятнадцати глав и эпилога, названного “Переосмысление украинского вопроса”. Две главы повествуют о событиях 1917–1920 годов, две охватывают период 1920-х годов, три главы описывают политику коллективизации и сопротивление ей. Собственно описанию голода посвящены шесть глав (приблизительно треть текста). В книге кратко описана история замалчивания голода советской властью (или, как часто пишется в тексте, “режимом”) и — еще более кратко и схематично — “возвращения” этого события в коллективную память.

Книга написана легко читаемым языком, в стиле, напоминающем журналистское расследование. Тем не менее “Красный голод” содержит формальные атрибуты научного труда, в частности, ссылки на документы, академические исследования и архивы.

Если относиться к книге как к добротной скроенной публицистике или, скажем, работе в научно-популярном жанре, то автора можно поздравить с удачей — ей удалось воспроизвести впечатляющую и масштабную картину леденящей душу трагедии. Рассказ о предпосылках голода и событиях 1932–1933 годов содержит описание политических решений и их масштабных последствий и наполнен историями конкретных людей. Достаточно аккуратно воспроизведена событийная сторона трагедии. Вряд ли найдется читатель, который не содрогнется, читая о том, что пришлось пережить украинцам. Драматургия повествования выстроена весьма профессионально.

Таким образом, если задача автора заключалась в том, чтобы ознакомить западного читателя, интересующегося историей Восточной Европы, со все еще малоизвестной миру (даже после масштабной кампании памяти 2007–2009 годов) трагической страницей украинского прошлого, то этот замысел реализован удачно. Предыдущая книга, частично посвященная голоду 1932–1933 годов в Украинской ССР, — “Жатва скорби”, написанная Робертом Конквестом тридцать лет назад и тоже для широкой аудитории, — уже подзабылась (хотя ее основные идеи “живут и побеждают” в канонической украинской версии Голодомора). С тех пор в англоязычной литературе о Голодоморе не было популяризаторских и идеологически заточенных публикаций такого масштаба, тем более созданных столь известным на Западе автором.

Если же попытаться взглянуть на этот труд глазами профессионального историка, возникают вопросы. Первый относится к сформулированному в самом начале книги тезису о том, что речь идет о “новой истории голода”, “свежем исследовании событий 1932–1933 годов”. Согласно тексту, новая история написана на основании новых архивных данных, новых свидетельств и новых исследований.

Не совсем понятно, что имеет в виду автор под понятием “новый”, говоря об архивах, воспоминаниях и исследованиях.

Книга действительно содержит несколько ссылок на издания (исследования, сборники документов и воспоминаний) последних пяти-десяти лет, но при этом достаточно со-

лидно нагружена ссылками на документальные сборники и публикации более чем двадцатилетней давности. Более того, поскольку в книге отсутствует какой-либо критический анализ используемых источников, трудно определить, что нового сообщают те из них, которые можно считать новыми с точки зрения даты публикации.

Возможно, заявление о новизне связано с популярными представлениями о том, что документы (особенно новые, особенно архивные) прольют свет на истинные причины трагедии, которая долгие годы не просто замалчивалась, но была предметом табуирования.

В связи с этим возникает следующий вопрос: содержатся ли в этой книге факты, ранее не известные исследователям, более того, скрытые от “широкой аудитории”. Если под “широкой аудиторией” подразумевается современный западный читатель, то, безусловно, здесь все новое, и очень страшное — нужно иметь крепкую психику, чтобы воспринять представленную в книге картину страданий и смерти.

Если речь идет об украинской аудитории, то основная сюжетная линия известна большинству потенциальных читателей из школьных учебников; разрывающие душу детали — из интернета, популярных фильмов и публицистики. Специалистам по голоду 1932–1933 годов известно гораздо больше — так ведь и книга написана “по мотивам” их работ.

В “Красном голоде” говорится о том, что интерес к трагедии 1932–1933 годов угасает — как у политиков, так и у населения. Это справедливое утверждение. Но при этом для украинцев коллективная память о голоде уже стала частью государственных и гражданских мемориативных практик; более 80% респондентов считают Голодомор геноцидом (тут они следуют букве специального закона о Голодоморе), установлена памятная дата, отмечаемая страной ежегодно, это событие запечатлено в школьных учебниках.

Обратимся еще к одному аспекту, связанному с заявленной автором новизной книги. Возможно, речь идет о некоем концептуальном переосмыслении события, связанном с архивными открытиями? Увы, такой новизны ни в тексте, ни в сносках найти не удалось.

Текст в целом пересказывает и “перепаковывает” ту самую стандартную “геноцидную” версию Голодомора, которая сначала в середине 1980-х годов была сформулирована Робертом Конквестом и докладом Комиссии Конгресса США, а потом принята как истина в последней инстанции большинством украинских исследователей и популяризаторов Голодомора. В тексте почти нет упоминаний дискуссии о причинах и характере голода 1932–1933 годов, развернувшейся в западной историографии в 2000-е годы. Правда, освещается позиция российских историков, но лишь для того, чтобы подтвердить правоту украинских — тех, кто продвигает “геноцидную” версию и превращает ее в некую сакральную формулу.

Более того, в работе Эплбаум Голодомор вписан в более широкий контекст представлений, популярных среди части украинской диаспоры и распространяющихся в Украине, — о вековой вражде России к Украине, об извечном стремлении первой подавить и подчинить вторую, о неизбежном желании России лишить украинцев отдельной идентичности и национального самосознания. В тексте неоднократно повторяется давняя формула о двойном ударе: по интеллигенции и по крестьянству, которое, следуя указаниям Сталина и адептов “геноцидной” версии Голодомора, автор считает основой “национального движения”.

Не случайно повествование начинается не с 1917 года, как утверждает автор, а несколько раньше. Вступление — “Украинский вопрос” — представляет собой популярное изложение ряда стандартных тезисов классического национального украинского нарратива о многовековой борьбе украинцев против национального угнетения. Приведен обязательный рассказ о зарождении украинской идентичности и ее подавлении чужеземцами; разумеется, присутствуют свободолюбивые украинские казаки — “первые украинцы”, трансформировавшие идентичность в “конкретные политические проекты” (книга изобилует подобными анахронизмами); не забыто и привычное описание “преследований украинства” в девятнадцатом веке (здесь, правда, есть некая вольность: почему-то не

упомянут “валуевский циркуляр”¹, обязательный для живописания преследований украинского языка).

Многовековая борьба за национальное самоопределение, начавшаяся, как утверждается во вступлении, еще в донациональную эпоху, достигает апогея в революции 1917 года и терпит поражение в схватке с большевиками, которые эту схватку запоминают надолго — акkurat до начала 1930-х годов. Именно память о 1917–1920-м становится предпосылкой к жесточайшим акциям 1930–1933 годов. Следует заметить, что такая трактовка не лишена оснований, в разных формах она присутствует в работах профессиональных историков, занимавшихся Голодомором, в частности Станислава Кульчицкого и Андреа Грациози.

Однако в труде Эплбаум эта интерпретация вписывается в куда более масштабную панораму, поскольку автор актуализирует свой интерес к проблеме Большого Голода действиями России в 2014–2017 годах. В принципе тезис “от Ленина/Сталина до Путина” достаточно популярен в Украине среди части политиков и историков, обслуживающих конкретный идеологический запрос, связанный с “патриотической мобилизацией”. Можно даже услышать высказывания высокопоставленных чиновников о “столетней российско-украинской войне”. В принципе, тот же тезис об извечной российской агрессии и логической связи между “освободительной борьбой 1917–1920”, Голодоморами и репрессиями можно найти в идеологических постановлениях съездов ОУН(р) за 1940–1970-е годы. Так что подобная идея не нова.

Концептуальная рамка также вписывается в узнаваемый стандарт: Сталин и его окружение видели, что в Украине вновь зарождается национализм, а значит и сепаратизм и, опасаясь повторения событий пятнадцатилетней давности, решили принять контрмеры. Таковыми контрмерами стали искусственно созданный голод и репрессии против интеллигенции. Упоминаются и репрессии против местной номенклатуры и “национал-коммунистов”, но

¹ Предписание министра внутренних дел Российской империи Петра Валуева (1863) цензурным комитетам, ограничивающее выпуск изданий на украинском языке (“малороссийском наречии”) произведениями “изящной словесности”.

и они истолковываются как удар по “национальному движению” (этот термин в книге Эпплбаум используется неоднократно). Есть ли здесь что-то новое? Нет — достаточно обратиться к работам украинских авторов начала 1990-х годов.

На первый взгляд повествование о голоде и его истолкование в ряде важных пунктов расходятся с магистральной линией, определенной в Украине во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов. Но эти отступления носят весьма своеобразный характер.

Во-первых, утверждая, что голод 1932–1933 годов в Украинской ССР является геноцидом, автор признает ограниченность самой концепции геноцида, разработанной Рафаэлем Лемкиным. Причины этой ограниченности стандартно объясняются вмешательством СССР в окончательную редакцию знаменитой ооновской Конвенции 1948 года — где из списка объектов геноцида были исключены социальные группы. Правда, здесь мы находим и упоминание о многообразии интерпретаций геноцида, фактически позволяющее вернуться в рамках классической схемы голода-геноцида украинцев.

Во-вторых, мы видим упоминание о других национальных группах, ставших жертвами Голодомора в Украине, не очень популярное в каноническом дискурсе. Однако несколько специфическое: они упоминаются лишь для того, чтобы сравнить их потери с украинскими и подчеркнуть масштабы собственно украинских потерь.

Немцев, сообщается в книге, вообще подкармливали дипломаты. Сельским евреям было легче выжить, поскольку их не коснулись коллективизация и раскулачивание. “У евреев, немцев и поляков, — пишет Эпплбаум, — было еще одно преимущество — их не рассматривали как часть украинского национального движения, а значит, они не были особой мишенью репрессивной волны 1932–1933 годов”. Быть может, автор не знает, что в 1930 году немецких колонистов раскулачивали и тысячи их семей были высланы; что в 1932–1933 годах немецкие села вымирали так же, как и украинские; что в 1933–1934 году ГПУ “раскрыло” несколько “немецко-фашистских”, “контрреволю-

ционных” организаций, и здесь тоже били и по крестьянам, и по интеллигенции? Но нет, Эпплбаум упоминает, например, о закрытии немецких школ. Судя по тексту, автору известно и о том, что в 1933–1934 годах раскручивалось дело “Польской военной организации”, направленное прежде всего против польской интеллигенции. Эпплбаум знакома и с подсчетами С. Кульчицкого (в тексте присутствует огромное количество ссылок на работы этого автора) и других исследователей, утверждавших, что поляки гибли от голода в таких же пропорциях, как и украинцы.

Можно уверенно утверждать, что формула “крестьянство плюс интеллигенция”, используемая для определения жертв 1932–1933 годов, относится по крайней мере также и к полякам и немцам. Но в книге она применяется только к украинцам. Почему? Возможно потому, что Эпплбаум увлечена идеей о том, что голод и репрессии как орудие геноцида были направлены исключительно против украинцев. Так или иначе, другие, “неукраинские” жертвы голода и репрессий оказываются на обочине повествования — своеобразный отголосок известной формулы 1930-х “лес рубят — щепки летят”.

В принципе, “национальное прочтение” голода — коварная вещь. Следуя каноническому нарративу, автор попадает в логическую ловушку, в которой пребывает этот исходный нарратив, и фактически повторяет “национальное прочтение”, предложенное Сталиным и его окружением. Они использовали аргумент о национализме для подкрепления тезиса об обострении классовый борьбы. Эпплбаум принимает на веру этот аргумент — считая украинское крестьянство носителем национализма или основой “национального движения” (интеллигенция — другое дело). При таком подходе и нежелание идти в колхозы, и борьба крестьян за землю, и лозунг “Советы без коммунистов” можно истолковать и преподнести как проявления “национального движения” или “национализма”. Что и сделали большевики.

В-третьих, автор признает “общесоюзный” характер голода и упоминает о потерях в других регионах СССР, в частности на территории РСФСР, упоминает и о голоде

в Казахстане. Более того, она готова согласиться с тем, что в некоторых регионах России голод имел те же ужасающие масштабы, что и в Украине. Однако когда дело доходит до цифр, мы опять видим специфический вариант сравнения: совокупная цифра прямых утрат в Советском Союзе указана в 5 миллионов, в Украинской ССР — в 3,9. Сопоставление потерь — 5 и 3,9 — лишней раз позволяет подчеркнуть особый масштаб и характер голода в Украине. При этом существуют и другие оценки общесоюзных потерь: некоторые исследователи приводят цифры 5,5 миллионов и 7,5 миллионов, но они почему-то в книге не упоминаются. Точно так же не упоминаются и другие, более консервативные оценки масштаба потерь, основанные на разных методиках, — все равно ужасающие, — все они тоже свидетельствуют о том, что Украина пострадала больше других советских республик (хотя у казахов может быть свое мнение на этот счет), но Эпплбаум почему-то обращается именно к тем цифрам, которые должны внушить читателю, что украинцы не просто пострадали больше всех, а являются главной мишенью массового убийства с помощью искусственно созданного голода. То, что Украина понесла наибольшие демографические утраты в абсолютных цифрах, — давно доказали демографы. Но мне кажется, что организовывать “соревнование жертв” по этническому признаку — мероприятие сомнительное.

Пожалуй, самым важным новшеством книги, несколько уведящим ее от магистральной линии канонического нарратива Голодомора, можно считать признание того, что Голодомор как политика убийства совершался также и самими украинцами. Впрочем, и в этом случае автор ссылается на то, что убийство одноплеменников известно и из других случаев массового убийства в других местах и в другие времена.

Наконец, автор признает, что Сталин все не собирался убивать всех украинцев; а главное — Эпплбаум предлагает более “оптимистический” взгляд на событие и его последствия: пытались убить, но не убили, пытались сломить, но не сломили, пытались скрыть, но не скрыли, раны еще есть, но миллионы украинцев пытаются залечить их.

Объем рецензии не позволяет мне поделиться замечаниями строго “академического” характера, которые касаются способа цитирования архивных документов и публикаций других авторов, явных историографических лакун, проблемы верификации устных свидетельств, идеологической актуализации проблемы, анахронизмов, удивительных дефиниций (например, Белинский назван “ведущим теоретиком русского национализма девятнадцатого столетия”, “Украина — колония Польши” в XVII веке). В конце концов, мы имеем дело не с научной монографией, а с книгой для широкой аудитории.

Книга Эпплбаум важна для ознакомления западной аудитории с крупнейшей гуманитарной катастрофой в Украине двадцатого века, хотя с точки зрения интерпретации и репрезентации события она несколько архаична и имеет значительное сходство с упомянутой выше “Жатвой скорби” Роберта Конквеста и другими работами “тоталитарной школы” западной историографии. Отмеченные в этой рецензии “особенности прочтения” голода 1932–1933 годов сквозь призму этноцентрической интерпретации могут вызвать законные подозрения в ангажированности автора.

Украинской аудитории книга не сообщит ничего принципиально нового: ученым — потому что она базируется на их же исследованиях и идеях, широкой публике — потому что основной материал ей известен из современного школьного курса истории и коммеморативных практик. Впрочем, в случае удачного перевода труд Эпплбаум может послужить хорошим примером публицистической литературы, доступно излагающей сложные вещи. На мой взгляд, “Красный голод” является удачным популярным изложением “канонической” версии Голодомора, одобренной украинским парламентом и закрепленной в официальных коммеморативных практиках. Она воспроизводит все стандартные интерпретации Голодомора как геноцида и вписывает это событие в современный политический контекст. Если украинское правительство наградит автора орденом, как ранее награждали других иностранцев, “правильно” писавших о Голодоморе, это будет верное решение.

Георгий Касьянов